

ЭРОТИКА ИЛИ ПОРНОГРАФИЯ?

Общеизвестно, что судебным органам время от времени приходится разбирать дела, связанные с нарушениями нравственности. В частности, это дела, касающиеся распространения развращающих материалов – например, порнографии. В то же время общепризнано, что провести четкую грань между недопустимой порнографией и вполне приемлемой эротикой трудно или невозможно. Причина очевидна: задачи той и другой заключаются в том, чтобы вызвать у потребителя соответствующей продукции сексуальное возбуждение, что, надо надеяться, само по себе предосудительным быть названо не может, ибо эротические желания и фантазии никак нельзя считать социально опасными. Скорее наоборот: отсутствие таких желаний представляло бы серьезную опасность для самого существования общества. Используются. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что все не так просто. Один и тот же отрывок, содержащий описание какой-нибудь альковной сцены, в одном контексте будет выглядеть, как порнография, в другом – как эротика. Многочисленные попытки рассматривать произведение как порнографическое на основании только отдельно взятого эпизода неизменно заканчивались провалом.

В результате в большинстве стран, где этот вопрос обсуждался достаточно тщательно (например, Англия и США), было признано, что порнографическими следует считать только произведения, лишенные всякого художественного значения и, стало быть, такие, где изображение интимной ситуации подается как самоценное, ради него самого.

Однако и это решение оказалось неудовлетворительным, так как любой автор может утверждать, что его произведение обладает художественными достоинствами и оспорить его утверждение имеет право только эксперт. Между тем, мнения экспертов здесь могут самым коренным образом расходиться, ибо «не-пристойное» для одного кажется вполне

«пристойным» другому, а объективного критерия здесь не может быть по определению.

Сравнительно легко вопрос решается относительно произведений, единодушно признанных художественными шедеврами. Независимо от того, насколько вольными могут считаться тексты произведений Боккаччо, Рабле, Чосера, Шекспира или Родена, сегодня порнографическими их назвать не решится никто.

(Правда, речь здесь идет о потребителях, воспитанных в рамках европейской цивилизации. Есть сведения, что когда в Японию на выставку прибыл роденовский «Поцелуй», его показывали только избранной публике в специально отгороженном месте, ибо публичный поцелуй в японской культуре – абсолютно табуируемое действие).

Произведения «рангом ниже» могут на этот счет вызывать яростные споры. В разное время в Англии книга “Chin p’ing mei”, изданная в Китае (первое сохранившееся издание – 1617) и переведенная на английский в 1939 году, причислялась то к порнографическим, то к эротическим произведениям. Сходная судьба была у знаменитой книги Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей». В настоящее время в России любая книга и видеокассета, основным содержанием которых является изображение сексуальных сцен, единодушно рекламируются как «эротика», что автоматически освобождает продавца от преследования за распространение порнографии.

В этой связи можно вспомнить о прошедшем на российском ТВ диспуте между И. Хакамадой и руководителем проправительственной молодежной группы «Идущие вместе» О. Якеменко относительно книги В. Сорокина «Голубое сало». «Идущие вместе» объявили книгу порнографической и в доказательство их лидер уговаривал И. Хакамаду прочесть вслух оттуда отдельные наиболее непристойные отрывки. Вероятно, молодому политику не пришло в голову, что сами по себе сцены соития являются интимными актами и не могут стать предметом публичного

обсуждения в «приличном обществе» вне кабинета врача независимо от того, носит описание такой сцены характер, близкий к порнографии или эротике. Так что даже если бы И. Хакамада согласилась их прочесть, это ровно ничего бы не доказало, тем более, что, как отмечалось выше, один и тот же отрывок в разных контекстах может быть трактован то как порнографический, то как эротический.

Поэтому имеет смысл в чисто практических целях постараться по возможности точно определить оба эти концепта.

Начать с того, что крайние случаи порнографии и эротики различимы достаточно хорошо. Прежде всего, эротика подразумевает необязательность того, что англичане назвали бы *to call a spade a spade* – «называть лопату лопатой», то есть называть вещи своими именами. Так, несомненно, по мнению знатоков, эротичны картины А. Ватто (1684 – 1721), изображающие всего лишь пары галантных кавалеров и дам в изысканных костюмах, невинно флиртующих на фоне живописной природы. Эротично все искусство Г. Климта, «грешат» эротикой русские художники «Мира искусства». Есть основания считать, что весь символизм как эстетическое течение насквозь эротичен, что бы там ни изображалось.

В самом широком смысле под эротикой понимается психологическая сторона сексуальности. Можно утверждать, что эротическое чувство – это то, что отличает человека от других животных, потому что здесь мы имеем дело с сознательным интеллектуализованным действием, возможным только в обществе, в котором сексуальность подавляется (Жорж Батай, цит. по Webb 1983: 2).

Последнее замечание Ж. Батая особенно существенно. Собственно говоря, порнография возможна, главным образом, в христианско-иудейском мире, ибо в обществе, где сексуальность не выделяется из прочих человеческих эмоций и действий – например, следующем мусульманским или буддистским традициям - открытое изображение половых отношений может считаться порнографическим не более, чем изображение народного

танца или совместного приема пищи. Порнография обязательно должна исходить из того, что секс – это нечто необычное, по самой сути своей не вполне одобряемое, в крайнем случае вынужденно терпимое.

Для порнографии абсолютно необходима грубая наглядность, бесцеремонное разглядывание полового акта, обязательно снятого (нарисованного, описанного) крупным планом. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой порнография удачно описывается как «крайняя натуралистичность и цинизм в изображении половых отношений». Автор капитального труда *The Erotic Arts* (1983) P. Webb тоже представляет порнографию как «лишенное эстетического или социологического оправдания изображение полового акта, выполненное с подчеркнутым натурализмом, оскорбляющее общепринятые нормы приличия». В Толковом словаре иностранных слов Л.П. Крысина подчеркивается, подобно англоязычным изданиям, что порнографические изображения представлены как самоцель и лишены какого бы то ни было художественного, эстетического и т.п. значения. В Иллюстрированном энциклопедическом словаре (CD-ROM) уточняется, что у порнографии нет никакой другой цели, кроме «возбуждения любопытства и скабрёзности». Порнография выставляет на всеобщее обозрение наиболее интимную сферу бытия, то, что не принято выставлять на показ и тем более бесцеремонно разглядывать.

Особо стоит отметить обезличенность объектов внимания порнографии. Менее всего порнографа интересует личность совокупляющихся людей, их внутренняя психологическая жизнь – разумеется, за пределами удовлетворения элементарного физиологического желания. Именно поэтому созерцание эротического произведения, выполненного талантливым мастером, дает пищу для мысли, запоминается, поэтизирует любовь во всех ее проявлениях. Изображение порнографическое наскучивает несравненно быстрее, чем охотно и пользуются производители порнопродукции: одно и то же произведение Буше, Тулуз-Лотрека, Рабле,

А.Н. Толстого или Пазолини может доставлять наслаждение многократно; порнография должна непрерывно обновляться.

Наконец, стоит отметить крайнюю антиэстетичность порнографического изображения. Сами по себе гениталии могут восприниматься как угодно, их внешний вид может нравиться или оставлять равнодушным. Как говорили древние, естественное безобразным быть не может. Порнограф же, как правило, акцентирует эстетическую непривлекательность совокупления, по существу, глумится над изображаемым, и хотя это изображение может быть предельно натуралистичным, перед нами искажение правды жизни.

Не следует сбрасывать со счетов и сексистскую составляющую порнографии: в подавляющем большинстве случаев женщина в порнографическом изображении предстает как объект «сексплуатации».

Однако столь же очевидно, что такое положение неоднозначно. «Декамерон» Боккаччо, «Кентерберийские рассказы» Чосера и созданные по ним фильмы Пазолини признаются только эротическими, хотя весьма откровенных сцен там предостаточно. Следовательно, важнее здесь то, что изображение классиками интимных ситуаций не являлось для них самоцелью, а выполняло определенные художественные задачи. Так что в данном случае даже «крупный план» представляется оправданным. Не говоря уж о том, что в хорошей художественной литературе половые отношения могут быть представлены в подробностях, но при этом отнюдь не вызывать полового возбуждения у нормального человека – например, при описании изнасилования.

К сожалению, все вышеприведенные отличия порнографии от эротики носят субъективный характер, часть из них чрезвычайно расплывчата. Там и тут возможен «крупный план», а по поводу истинных намерений автора можно спорить сколько угодно. Мы не можем разграничить порнографию и эотику ни по принципу имплицативности – эксплицативности изображаемого, ни по принципу художественности – не художественности.

В этой связи обращает на себя внимание определение порнографии в Британской энциклопедии: The representation of erotic behaviour in books, pictures, statuettes, motion pictures, etc., that is intended to cause sexual arousal («Это изображение эротического поведения в книгах, на картинах, в скульптуре, в кинофильмах и т.п. с целью вызвать сексуальное возбуждение»). Как видим, порнография определяется через понятие «эротическое поведение», другими словами, эти два понятия не противопоставляются, как это делается в русской культуре, где, собственно, эротика – это та же порнография, но в более мягком варианте. В процитированном определении порнография, собственно говоря, всего лишь выполняет задачи эротики.

Трудность кроется, прежде всего, в метафоричности человеческого языка и, как следствие, невозможности с его помощью определить понятия, необходимые для точной дефиниции. Вот основные возникающие здесь вопросы.

Каковы критерии художественности?

Как определить непристойность, или, иначе говоря, кому можно поручить решение того, что «пристало», а что «не пристало» видеть, показывать и о нем говорить?

Как доказать, что в данном случае автор описывает определенное действие ради него самого, а не решая художественную задачу?

Чем различаются «мягкое» и «грубое» описание полового акта, «грубая» или «не грубая» наглядность?

Как точно определить скабрёзность?

На все эти вопросы не существует точного ответа, хотя на бытовом уровне все мы почему-то уверены, что в состоянии отличить одно от другого. Однако одного «я так чувствую» явно недостаточно для вынесения судебного решения, даже если речь идет об ощущениях экспертов в силу их разного воспитания, образованности и вкуса.

Вероятно, какой-то, пусть самой малой, степенью художественности обладают едва ли не все произведения, вышедшие из рук человека, но не существует средств эту степень измерить. Нравится это нам или нет, но анекдоты типа «возвращается муж из командировки, а жена...» доставляют удовольствие огромному числу слушателей и, следовательно, художественную, как и социальную, ценность имеют.

Прежде чем придти к окончательному выводу, рассмотрим несколько подробнее сам концепт порнографии.

Слово «порнография» происходит от греческого «*порне*» (проститутка) и «*графейн*» (писать). Первоначально речь шла об описании (изображении) жизни проституток. После того, как это слово утратило первоначальный смысл, порнографией стали именовать и то, что сегодня мы бы назвали эротикой - например, та же Британская энциклопедия 2000 года относит к порнографии *Ars amatoria* Овидия или изображения соития на стенах здания в Помпее, где происходили традиционные вакханалии, то есть где и речи не было об оскорблении чьих-либо чувств, о цинизме и скабрёзности. С эстетической точки зрения произведения Овидия в похвале не нуждаются, а помпеянские фрески, при всей их натуралистичности, тоже обладают бесспорной художественной ценностью. С позиций русской культуры все это, скорее, относится к эротике и уж давно не подлежит осуждению.

Представляется, что еще менее к порнографии можно отнести жизнерадостное народное искусство – всевозможные нескромные лубки, байки, шванки, сказки, частушки и т.п. Вряд ли здесь можно говорить даже о сексуальном возбуждении, перед нами скорее активное, веселое (раблезианское, а по Бахтину карнавальное) восприятие жизни. Оно, по существу, свидетельствует всего лишь о здоровом сексуальном интересе авторов и слушателей (зрителей). Подобная литература свободна от главного греха порнографии – пошлости. К сожалению, пошлость тоже можно прибавить к списку неопределяемых понятий, так что для вынесения

судебного решения она никак не годится. Кстати, это русское слово еще и не переводимо на другие языки.

Но как бы ее ни определять, то, что в русской культуре именуется пошлостью, ни в одном национальном уголовном кодексе преследованию не подлежит. В противном случае в России следовало бы немедленно запретить телепередачи типа «Аншлага» с участием Петросяна-Степаненко или «новых русских бабок».

Между тем, история мировой юриспруденции изобилует попытками изничтожить порнографию. Некоторые факты подобной борьбы могут оказаться весьма поучительными. Так, в Великобритании еще в 1857 году был издан Lord Campbell's Act, который предписывал не только объявить порнографию вне закона, но даже производить обыски с целью обнаружения порнопродукции, предназначенной для продажи или распространения. Почтовому ведомству запрещалась пересылка соответствующей литературы, а те, кто ее посылал, должны были подвергаться судебному преследованию. Обнаруженную продукцию предписывалось уничтожать.

Однако с самого начала этот закон подвергался критике, ибо было ясно, что его немедленно начнут обходить. Кроме того, критики этого закона обвиняли его создателей в том, что с его помощью мораль всего общества фактически уравнивается с моральными установками, желательными прежде всего для подрастающего поколения. Наконец, критиковалась практика судебных органов, когда осуждающие приговоры выносились на основании ознакомления с изолированными отрывками из целого произведения. При этом не принимались во внимание ни отзывы литературных критиков, ни объяснения самих авторов или издателей.

Англичанам потребовалось сто лет, чтобы Lord Campbell's Act подвергся пересмотру, который завершился выходом Obscene Publications Act («Акта о непристойных публикациях») 1959 года. Преследование непристойностей не имело теперь места, если их опубликование осуществлялось в интересах науки, искусства или образования.

Признавалось, что определить, имеют ли место эти обстоятельства, могут только эксперты. Учитывалась необходимость принимать во внимание весь текст, а не только его спорный отрывок. И, наконец, за авторами и издателями оставлялось право защищать свою позицию. В 1977 году в число непристойных публикаций, кроме бумажной продукции, были включены кинофильмы.

Соединенные Штаты быстро последовали за англичанами. Первый закон, Mail Act, был издан в 1865 году. Он запрещал пересылку порнографической литературы. В 1873 году появился Comstock Law, сохраняющий силу до сих пор. Штрафу и суду подлежат все, кто отправляет или получает соответствующие публикации.

В других странах приняты сходные правила. Иногда нарушители подлежат уголовному преследованию, иногда административным наказаниям. Создаются и наблюдательные советы.

Более пятидесяти стран подписали соглашение о необходимости контроля за непристойными публикациями.

Однако парадоксальным образом в этом соглашении не содержится определения непристойности. Участники соглашения признали, что общего определения здесь просто не может быть, ибо очень много зависит от традиций и убеждений, господствующих в той или иной культуре.

Положение в нашей стране следует признать почти катастрофическим. Прежде всего, не существует внятно выраженного закона, по которому следует бороться с порнографией. Отсюда самая разнообразная отсебятина, практикуемая местными органами власти. По свидетельству знаменитого сексолога И.С. Кона, в середине прошлого века дирекция Лениздата отказалась напечатать изображение Венеры Милосской в брошюре по эстетике, потому что сочла его порнографическим. Ссылная художница рассказала автору этих строк, что в свое время она занимала надзиравшего за нею милиционера тем, что показывала ему свои этюды, изображавшие, помимо всего прочего, обнаженную натуру. Разглядывая

этиод с мужчиной и женщиной, борец с нравственностью изрек: «Да, ПАРНОГрафия. А ОДНОГрафии у вас нет?»

В России в 1997 году принят закон «Об ограничении оборота продукции, услуг и зрелищных мероприятий сексуального характера в Российской Федерации». В частности, в этом законе перечисляется «продукция сексуального характера»: это «продукция средств массовой информации, иная печатная и аудиовизуальная продукция, в том числе реклама, сообщения и материалы, передаваемые и получаемые по компьютерным сетям, а также различные изделия и средства, удовлетворяющие потребности, связанные с сексуальным влечением, за исключением лекарственных средств и изделий медицинского назначения». Совершенно очевидно, что в этот обширный список вполне можно включить, например, любую живопись эротического плана.

При всем при том совершенно очевидно, что порнография – зло, с которым необходимо бороться. Циничный взгляд на отношения полов наносит вред отнюдь не только молодой и неокрепшей психике, хотя ей, конечно, в первую очередь. Главный грех порнографии – полный отрыв Эроса, любви от акта соития, сведение половой близости человека к механическому процессу соединения гениталий с целью получения физиологического удовлетворения.

Правда, одновременно стоило бы заметить, что, как всякий яд, в малых дозах порнография может сыграть лекарственную роль – например, в терапевтических сеансах сексолога или даже как определенный «инструктаж» для человека, не получившего в свое время соответствующих знаний от предыдущего поколения. Проблема в том, чтобы дать такому человеку понять, что соединением гениталий общение полов не ограничивается.

Таким образом, говорить следует скорее не об искоренении порнографии – задачей заведомо невыполнимой и ненужной – а о ее ограничении.

Однако для того, чтобы ограничительные меры были действенными, необходимы строгие дефиниции всех имеющих к этому отношение терминов, без размытых понятий типа «грязный», «непристойный», «вульгарный», «ненормативный», «пошлый», «скабрёзный» и т.п. Поскольку пока никому ни в нашей стране, ни за рубежом не удалось такие безупречные дефиниции предложить, а судебные инстанции ждать не могут, остается только полагаться на мнение экспертов. Представляется, что в каждом случае таких экспертов должно быть несколько. Крайне желательно, чтобы это были образованные люди, предпочтительно гуманитарии с широким кругозором. Их заключения должны в обязательном порядке содержать ответы на следующие вопросы:

Относится ли данное произведение к художественным или научным или образовательным жанрам?

Значительна или минимальна содержащаяся в этом произведении художественная ценность?

Какое место занимает исследуемый отрывок во всей ткани произведения и нужен ли он, по мнению эксперта, для выражения замысла автора?

Если речь идет об изображении, то является оно самоцелью или выражает определенную идею, например, идею красоты обнаженного тела, любви и т.д.?

Не могут считаться порнографическими произведения, которые:

- а) принадлежат к научному или образовательному жанру;
- б) имеют значительную художественную ценность;
- в) анализируемый отрывок явно необходим для выражения авторской концепции и представляет, таким образом, неотъемлемую часть всего текста;
- г) анализируемое изображение не предназначено для простого разглядывания, удовлетворения праздного любопытства, а отвечает эстетическим чувствам.

В противном случае перед нами эротическое произведение, за создание которого его автор не может подвергаться преследованию по суду.

Жельвис В.И. Эротика или порнография? / Юрислингвистика: Научный журнал, 2006, №7, с.229-240.